

С глубоким вздохом Чэн Цзинцзюнь произнес:

— Чжилинь, позови адвоката Чэня.

Чэн Чжилинь подумал, что старик наконец смягчился, и быстро поднялся, чтобы набрать номер адвоката Чэня. Однако, прежде чем он успел закончить набор, старик продолжил:

— Давай официально разделим имущество. Я дам тебе дом и несколько миллионов. Ты, эта женщина и твой сын будете жить отдельно.

Лицо Чэн Чжилиня побелело. Он думал, что, как бы он ни настаивал, старик не будет настолько жестоким. Но теперь казалось, что решение принято окончательно.

Раздел имущества? Всего один дом и несколько миллионов?

Это невозможно. Ни в коем случае он не уйдет. Он даже не знал, насколько велико состояние семьи Чэнов, а ему предлагали лишь крохи.

С грохотом Чэн Чжилинь снова упал на колени. Чжао Чжиман, только что вставшая, тоже опустилась на колени. Боль в коленях уже не имела значения. Страх быть изгнанной из дома Чэнов был куда страшнее.

— Папа, пожалуйста, не надо. Я виноват, я виноват. Я больше не буду поднимать этот вопрос. Я виноват...

Сделав несколько поклонов, Чэн Чжилинь начал толкать Чжао Чжиман к выходу. Чэн Цзыюэ тоже последовал за ними.

Чэн Цзинцзюнь смотрел на испуганное лицо своего сына и с грустью подумал, что, похоже, он слишком избаловал своего младшего сына.

Взглянув на Чэн Чжилиня, Чэн Цзинцзюнь сказал:

— Я не признаю эту женщину и не признаю этого внука. У меня всего трое внуков, и среди них нет ни одного по имени Чэн Цзыюэ.

После этих слов старик поманил Чэн Кэ, чтобы тот сел рядом с ним. Чэн Кэ улыбался. Его стройное тело казалось слишком худым, но, к счастью, он был светлокожим, а благодаря многолетним занятиям пекинской оперой его фигура была изящной. В общем, Чэн Цзинцзюнь был доволен своим внуком во всех отношениях.

— Сяо Кэ, не бойся. Пока я жив, твой отец не сможет тебя обидеть.

Чэн Кэ почувствовал легкую горечь. В прошлой жизни его мать погибла в автокатастрофе через месяц, а дед скончался от сердечного приступа через несколько дней, после того как Чжао Чжиман довела его до бешенства. В прошлой жизни Чэн Кэ ничего не сделал для своего деда и матери, и это было сожаление, которое он никогда не мог исправить. Но теперь, вернувшись в прошлое, он намеревался возместить все, что задолжал, и, конечно, вернуть все, что ему было должно.

Чэн Кэ кивнул:

— Дедушка, не говори так о моем отце. Ему, наверное, непросто разрываться между двумя сторонами.

Услышав это, Чэн Цзинцзюнь снова сердито посмотрел на Чэн Чжилия, который не осмелился пошевелиться.

Чэн Кэ продолжил:

— Но, дедушка, мне кажется, что мой отец действительно любит ту женщину. Может быть...

Чэн Кэ замолчал, не закончив фразу, но старик резко отмахнулся:

— Эта женщина никогда не войдет в дом Чэнов.

Чэн Кэ улыбнулся:

— Дедушка, не сердись. Я хотел сказать, может, моим родителям стоит развестись.

Эти легкие слова шокировали Чэн Цзинцзюня, Чэн Чжилия и мать Чэн Кэ. Семьи Чэн и Хэ были тесно связаны в бизнесе, и если они разведутся, потери для компании Чэнов будут исчисляться миллиардами, а не миллионами.

Чэн Чжилия действительно испугался. Он обернулся и, глядя на Чэн Кэ, сердито крикнул:

— Мелкий негодяй, что ты несешь?!

Чэн Кэ знал, что так и будет, и именно этого он и добивался. Мать Чэн Кэ, Хэ Цзяхуэй, была младшей дочерью семьи Хэ, настоящей принцессой. Однако через три года после свадьбы она попала в аварию и стала инвалидом.

Когда-то избалованная принцесса изменилась. После двух лет уныния она услышала, как её четырехлетний сын сказал:

«Мама, ты больше не хочешь меня?»

Эти слова сына она услышала после того, как приняла целую бутылку снотворного и уснула.

Когда она очнулась, ее мучили промыванием желудка и заставляли пить воду. Она уже не чувствовала боли, но в толпе людей, окружавших её, она увидела своего сына Чэн Кэ, стоящего в углу. С тех пор она больше не пыталась покончить с собой, но также окончательно разочаровалась в своем муже.

За эти два года, как бы ей ни было больно, муж лишь равнодушно говорил:

— Ты опять за своё?

Никакой заботы, никакого внимания, никакой супружеской близости.

Хэ Цзяхуэй всегда понимала, что Чэн Чжилия не любит её. Их брак действительно был союзом двух компаний, но что она чувствовала, увидев красивого Чэн Чжилия, она никому не рассказывала. Возможно, как и Чэн Чжилия, она никогда не любила его, а может, в какой-то момент действительно испытывала чувства, ведь на момент свадьбы ей было всего двадцать лет, и она, слишком защищенная, никогда не влюблялась и не чувствовала сердечного трепета.

Сейчас Чэн Кэ было семнадцать, а значит, брак Хэ Цзяхуэй и Чэн Чжилия длился уже восемнадцать лет. Даже если в первые два года между ними были какие-то чувства, после аварии они исчезли. Чэн Кэ знал, что они почти не разговаривали, а если и говорили, то лишь

для вида.

Чэн Чжилинь боялся развода, потому что старик контролировал его. Хэ Цзяхуэй не разводилась, скорее всего, потому что ей было все равно. Её ноги были парализованы, и после развода она не нашла бы ничего лучшего, да и к браку она уже полностью охладела. Поэтому она оставалась с Чэн Чжилинем, чтобы обеспечить Чэн Кэ хорошие условия. Так она думала.

Однако она не знала, что именно в такой обстановке в прошлой жизни Чэн Кэ стал вспыльчивым и импульсивным.

В сегодняшней ситуации, из-за присутствия Чжао Чжиман и постоянной напряженности, они не заметили, что Чэн Кэ не злился. Даже сейчас они все еще не успели обратить внимание на его характер.

— Мелкий негодяй, попробуй повторить еще раз, — закричал Чэн Чжилинь, глядя на Чэн Кэ, словно был готов ударить его, если тот снова заговорит.

Чэн Кэ спокойно посмотрел на Чэн Чжилиня, без тени эмоций в глазах, и повторил:

— Папа, разведись с мамой.

Чэн Чжилинь задрожал от ярости. Он схватил пульт дистанционного управления и швырнул его в Чэн Кэ.

Хэ Цзяхуэй, испугавшись, толкнула свою инвалидную коляску и бросилась к Чэн Чжилиню.

Раздался грохот.

Чэн Чжилинь упал на пол, а Хэ Цзяхуэй, слишком резко наклонившись, упала вперед. Чэн Кэ слегка наклонил голову, и пульт попал в аквариум позади него. В комнате воцарился хаос.

Прислуга бросилась помогать Хэ Цзяхуэй, которая, поднимаясь, сильно ударила Чэн Чжилиня по лицу. Его уже опухшее лицо выглядело особенно комично.

Чэн Цзинцзюнь вдруг почувствовал себя усталым. Он больше не хотел вмешиваться в дела своего младшего сына. Если они хотят развестись, пусть разводятся. Хотя это принесет потери, но семейная гармония важнее. Если они будут продолжать ссориться, какой может быть гармония и где тут место для процветания?

Среди хаоса Чэн Кэ подошел к Чэн Цзинцзюню и тихо сказал:

— Прости, дедушка.

Чэн Цзинцзюнь взял Чэн Кэ за руку, легонько похлопал и глубоко вздохнул. Его глаза наполнились слезами:

— Сяо Кэ, ты не виноват. Это я ошибся. Пойдем, помоги мне прогуляться в сад.

— Хорошо.

Особняк семьи Чэн находился не в городе. Город был слишком шумным, и Чэн Цзинцзюнь не любил это, поэтому он построил этот особняк. В доме было три этажа, но третий этаж был кабинетом старика, и никто, кроме него, туда не поднимался. Зная, как умер дед, Чэн Кэ понимал, что на самом деле находилось на третьем этаже.

В конце августа сад был полон ярких цветов. Садовник обладал хорошим вкусом, и сочетание цветов было очень гармоничным.

В углу сада была клумба с розами, которые покрывали стену ярко-красными цветами, источающими аромат. Перед розами стояли два бамбуковых кресла и деревянный стол. Чэн Цзинцзюнь любил сидеть здесь, читать книги и пить чай.

Усадив Чэн Кэ, Чэн Цзинцзюнь снова вздохнул. В последнее время он часто чувствовал себя нехорошо, а несколько дней назад у него даже шла носом кровь. Теперь, глядя на Чэн Кэ, он почувствовал, как ему не хочется расставаться с внуком.

— Сяо Кэ, если я умру, ты не должен быть таким мягким, как сегодня, — сказал старик, внезапно вспомнив, что его внук всегда был вспыльчивым. Почему же сегодня он был таким спокойным?

<http://bllate.org/book/16558/1510927>